

УПРАВЛЕНИЕ ПРАВОВЫМИ ПРОЦЕССАМИ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Владимир Шульц*
Сергей Бочкарёв**

DOI 10.24833/2073-8420-2019-2-51-12-20

Введение. С позиции истории, теории и философии в статье рассмотрена категория управления. При этом в качестве социального контекста, в рамках которого исследовались значение и потенциал управления, выбрано право и процессы его реализации в жизни.

Материалы и методы. В статье активно используются разработки как естественно-научной направленности, так и созданные для целей осмысления гуманитарного знания работы. Одним из основных методов научного исследования, примененным в работе, является универсальный метод познаваемости мира. Также в статье использованы логические методы (индукции, дедукции), достижения сравнительного правоведения, метод толкования текстов (преимущественно судебных решений и нормативных актов).

Результаты исследования. В работе осуществлен поиск ответов на вопросы о том, что такое управление в принципе, каковы возможные и допустимые формы его проявления в юриспруденции. При этом на пути к заявленной цели проведено сравнение между значениями, в которых управление используется в естественных и гуманитарных науках, а также разграничение между понятиями «управление правовыми процессами» и «государственное управление».

Процессы правоприменения, как известно, весьма рационализированы, а само право имеет своей высшей целью наведение порядка. Отсутствие в процессуальном законодательстве упоминания об управлении служит косвенным, но верным признаком того, что управления в юриспруденции не существует в том виде, в каком оно представлено в естественных науках.

Обсуждения и заключение. С учетом изложенного сделан вывод о том, что управление в праве проявляется и исполняется своеобразным способом. Оно реализуется в правовых процессах на децентрализованных принципах, т.е. самими участниками на паритетных и консенсуальных основаниях. Роль направляющих играют символические средства – принципы права и охраняемые им ценности. Роль исполняющих выполняют инструментальные средства – органы и учреждения правоприменения. Роль организаторов осуществляют субъекты права (личность, общество и государство), а функцию потребителей реализуют субъекты конкретных правоотношений.

* **Шульц Владимир Леопольдович**, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

e-mail: 9380752@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3952-9318

** **Бочкарёв Сергей Александрович**, кандидат юридических наук, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия.

e-mail: bo4karvs@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4516-7499

Введение

Актуальность тема управления в правоведении приобрела только в XX в. Одновременно с развитием естественно-научного направления теории управления и становлением междисциплинарного характера управления.

Становление естественно-научной теории управления оказало значительное влияние на государствоведение. Наука о праве, имеющая отношение к духовной деятельности человека и общества, стала активно перенимать опыт управления механическими системами. При этом в отраслевых источниках, учебниках и монографиях собственные представления об управлении, которые развивались в рамках правовой традиции, не упоминались. Даже накануне обоснования и введения в теорию права таких категорий, как «государственное управление» или «муниципальное управление», это наследие не было востребовано и не анализировалось. Вопросы о том, что такое управление в принципе, каковы возможные и допустимые формы его проявления в юриспруденции, не ставились. Причины, по которым история становления права и государства не дала собственных поводов и оснований для зарождения в ее недрах феномена управления, не выяснялись. Внутренние и внешние факторы, препятствовавшие его объективации, не исследовались.

Таким образом, раскрытие поставленных вопросов позволит диагностировать состояние и жизнеспособность рассматриваемого научного направления в правоведении, даст возможность на примерах из современной практики объяснить, что есть управление в праве и насколько оно тождественно государственному управлению, не произошло ли здесь подмены или необоснованного смещения понятий.

Исследование

Проследивая эволюцию данной темы со времен античности, мы видим, что еще Аристотель применительно к социальному контексту обозначил четкие ориентиры своего отношения к управлению. В частности, в Никомаховой этике он указал, что «во всех случаях цели управляющих заслуживают предпочтения перед целями подчиненных», поскольку последние преследуют свои цели ради достижения целей первых. При этом само управление философ предлагал признавать важнейшей наукой и именовать ее

политикой. «Она ведь устанавливает, – пояснял Аристотель, – какие науки нужны в государстве и какие науки и в каком объеме должен изучать каждый» [1. С. 55].

Средневековье добавило в исследуемую тему представления о том, что исходным и управляющим началом мироздания следует считать Бога. В произведениях Аврелия Августина находим объяснение тому, откуда взялось и для чего понадобилось человечеству государственное управление. В труде «О граде Божием» богослов писал о том, что грех сделал необходимой организованную государственную систему, использующую для наказания и защиты принуждение.

Новое время выступило решительно против религиозных постулатов средневековья. Дж. Локк, к примеру, источником возникновения власти и всего социального устройства предлагал считать естественное состояние, в котором находятся все люди, и тот закон природы, которым они управляются и который обязателен для каждого. Разум, являясь этим законом, учит тому, что все люди свободны, равны и независимы. При этом просветителя особенно интересовал принцип управления гражданским состоянием, который бы принимал людей такими, каковы они в реальности, и такими, какими они могут быть. В итоге искомый принцип и источник права философ нашел в соглашении, которое является основой любой законной власти. Его он назвал тем актом, в силу которого народ становится народом и отличается от толпы, ибо этот акт представляет собой первое и истинное основание общества.

Т. Гоббс также являлся сторонником идеи общественного договора. Мысль Т. Гоббса о юстиции как институте управления социумом развил П. Гольбах. Философ являлся одним из первых и до сих пор немногих мыслителей, кто отнес наказание к средству ограничения и управления свободой.

Противоположный взгляд на природу и происхождение управления находим в сочинении К.А. Гельвеция «О человеке», где он предлагал воспринимать его как часть науки о государственном управлении.

В конечном итоге право стало пониматься как один из видов социальных регуляторов. Считается, что с помощью совокупности легитимированных государством правил обеспечивается управление поведением граждан, а в целом – установление порядка и мира. Без труда проследивается, что право является не только сферой жизнедеятельности человечества, но и одним из древнейших средств управления общественными

процессами и формациями, способствует справедливой самоорганизации общества, совместному и мирному сожительству его субъектов. В этом плане юристы могут обоснованно указать на отсутствие необходимости во внешнем заимствовании знаний об управлении, содержащихся в теории управления, которая в ее современном виде занимает одно из ведущих мест в технических науках и относится к основной отрасли прикладной математики.

Вместе с тем, следует признать, что, несмотря на продолжительную историю становления правовой мысли, она до сих пор не воспроизвела в своем обширном контексте управление правовыми процессами как юридический принцип или самодостаточное правовое благо, как субъект или средство нормативного воздействия, как институт или механизм регулирования общественных отношений. В науке пока немного сказано об управлении как инструменте по руководству правовыми процессами или явлениями. Правоведение относится к категории «управление» как к элементарному объяснительному средству.

Кстати, с лексической точки зрения необходимо отметить, что в теории государства и права до появления в ней понятия «управление» уже присутствовала категория, которая во многом напоминала и до сих пор воспроизводит (а в чем-то повторяет) значение термина «управление». Речь идет о «регуливании». Эта дефиниция, как и «управление», используется в обширном спектре областей человеческой жизнедеятельности. Регуляторы имеются в экономике, культуре, политике, искусстве, спорте и во всех иных, как отмечал Г.В. Мальцев, сферах общественной жизни [6. С. 15-16].

Тем не менее термин «управление» введен в теорию государства и права. Акцент, правда, смещен в пользу государства, и речь в основном идет о государственном управлении. При этом дискуссия об отмеченном виде управления возникла не в силу накопления правоведением собственной аргументации и достижения определенного терминологического прогресса в его понятийном аппарате. Она появилась на фоне и под давлением широкого признания в XX в. естественно-научной теории управления, активно разрабатываемой и применяемой к технологическим процессам. В этом плане термин «управление» повторил судьбу понятия «система», которое разрабатывалось преимущественно в рамках общей и специальных теорий систем.

Еще одним подтверждением того, что адаптированная в государственном управлении теория управления имеет естественно-научное происхождение, является ряд авторитетных исследований, в которых содержатся рекомендации в качестве источника знаний о государственном управлении обращаться к примерам действия управления в природе. Для адаптации в правоведении специалисты полагают необходимым использовать его в предельно широком смысле и понимать под ним «воздействие субъекта (субъектов) на объект (объекты), изменяющее положение, поведение или свойства объекта (объектов)».

По природоподобному примеру в теории права под государственным управлением предлагается понимать активное, организующее и целенаправленное воздействие людей, созданных ими организаций, органов на объекты, которые поддаются регулированию со стороны человека (коллектива). При этом еще добавляется, что указанное управление подразумевает как прямые и однолинейные связи типа «субъект – объект», так и обратные связи – воздействие объекта на управляющий субъект, в результате которого субъект и объект могут поменяться статусами и местами.

В контексте отмеченных тезисов государственное управление отождествляется правоведом с государством, которое рассматривается ими как управляющая система. Они считают, что система государственного управления – это целостная система управления делами общества путем использования единой по своей природе публичной власти народа. Также отмечается, что государственное и муниципальное управление представляют собой только часть (хотя и важнейшую) регулирующей социальной деятельности в обществе. Органы и должностные лица государства, местного самоуправления регулируют не всякие отношения в обществе, а лишь *общественные отношения* или отношения, приобретающие общественное значение [7. С. 15].

Государственное управление осуществляется особым слоем людей на профессиональных началах. Конкретным субъектом государственного управления является соответствующий орган государства, муниципального образования, должностное лицо. Каждый из них вправе применять лишь свои способы управления. К числу основных правовых форм управления отнесены – законодательная деятельность, администрирование, правосудие и контроль (надзор).

С учетом специфики политико-правового устройства Российской Федерации отмечается, что ключевое положение в системе управления государством занимает глава государства – Президент РФ. Он обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, суверенитета страны, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Затем выделяется законодательная власть, которая от имени народа или непосредственно народом принимает законы, имеющие общеобязательный характер и высшую юридическую силу. Исполнением принятых парламентом законов и указов главы государства, решений судов заняты органы исполнительной власти, которые включают федеральный и региональный уровни.

Особенную роль в системе государственного управления принято отводить правоохранительным органам. Выделяют, в частности, судебную власть, имеющую конкретный характер и реализующуюся в особой процессуальной форме. Считается, что суд участвует в управлении обществом и государством, обладает широкими полномочиями, которых лишена и законодательная, и исполнительная власть. Своими решениями суд поддерживает и укрепляет существующий порядок, легитимность государственного управления, содействуя тем самым его большему контролю над обществом [7. С. 268].

Эти механистические и во многом трафаретные заимствования представлений об управлении явились наиболее общими, легкими для восприятия и незатруднительными для перевода из одной области знания в другую. Специалисты следовали по этому пути, вероятно, из-за желания избежать издержек, которые неминуемо сопровождают любой трансферт знаний, тем более междисциплинарный. Однако подобный подход к возможности управления юридическими процессами приводит к ощутимым методологическим ошибкам.

Главная из них состоит в том, что при заимствовании знаний не была учтена разница, существующая между естественными и социальными системами и, как следствие, между естественными и социальными науками.

Даже в рамках современной дискуссии о появлении нового типа интеграции естественных наук и наук о человеке речь не

идет о возникновении некоей единой науки, которой можно было бы оправдать автоматическую рецепцию знаний. Рассмотрение наук в новом свете не позволяет выявить ничего кроме того, что их единство только в научной сущности. Во всем остальном они остаются различными.

Более того, не учтено, что рецепция, в том виде как она произведена, была допустима только на первоначальном этапе становления науки. При этом даже тогда она могла быть оправдана исключительно историческими, а не гносеологическими причинами. Их суть состояла в том, что система социально-гуманитарных наук конституировалась значительно позднее математики и естествознания. Поэтому первые попытки научного исследования человека и социальных отношений были связаны с серией «парадигмальных трансплантаций» либо имитацией методов и идей естествознания. За счет такого эксперимента и трансферта знаний отмеченные науки к XIX в. сформировались в качестве особых научных дисциплин. При этом в них отчетливо оформилось отношение к различным человеческим качествам и к социальным феноменам как к объектам управления и преобразования. Обязательным условием научного способа познания, в том числе социально-гуманитарного, стало отношение к любым исследуемым явлениям и процессам как к объектам.

С тех пор прошло достаточно времени. За этот период различные отрасли науки в доказательство своей состоятельности и самодостаточности провели между собой множество демаркационных линий, обособляя и демонстрируя с их помощью для себя собственные сферы компетенции и уникальные методы их познания. Не все из них, как известно, прошли испытание временем. Подавляющее большинство этих линий признано условными и весьма подвижными в силу относимости как к естественным, так и гуманитарным дисциплинам. Категорическое и непримиримое противопоставление наук о природе наукам о духе, которое имело место в XIX в., по отношению к современной науке во многом утратило основания.

Но к концу XX в. был достигнут важный результат. Наступило понимание того, что мир природный от мира человеческого отличается и отделяет сознание, которое имманентно присуще человеку. Феномен сознания отнесен к числу тех немногих принципов, которые признаны общими и по поводу которых явно или неявно достигнут консенсус. Речь идет о трех фундаментальных

положениях, на которых должны основываться любые представления об обществе и человеке. В них должно учитываться: 1) историческое развитие, 2) целостность социальной жизни и 3) включенность сознания в социальные процессы. Указанные принципы в общественных науках очерчивают границы, в которых существует социальная реальность.

Такая трактовка феномена сознания практически исключила возможность безусловной трансплантации знаний и познавательных практик из области данных о природе в сферу представлений о человеке. Несмотря на это, в государственоведении не были пересмотрены заимствованные представления об управлении. В то же время для их модификации имеются все основания.

Фактор сознания и обусловленная им специфика социальной жизни несут для теории управления значительный преломляющий эффект, который не позволяет команде управления проходить через систему без искажения и усложнения и, как следствие, не позволяет осуществлять автоматический импорт знаний из естественных наук, в которых для нужд управления мир целенаправленно схематизируется и в какой-то степени упраздняется. Фактор сознания предполагает, что в социальной сфере всегда сохраняется вероятность того, что каждый может быть или может стать центром принятия решения и тем более его исполнения.

В этом плане право оперирует не детерминированными, а вероятностными моделями развития общественных отношений. Здесь нет абсолютной необходимости или случайности, а есть события, различаемые по количественной мере возможности своего появления при известных обстоятельствах. Фактор случайности сам по себе, а также в соединении с необходимостью и вероятностью наступления определенных последствий давно и в различных вариантах включен в процессы правового регулирования.

Другая ошибка государственоведения состоит в том, что при репликации знаний об управлении не был учтен не только социальный характер той среды, в которую он погружается, но и присутствие в этой среде правовой скрепы. То есть такого элемента, появление которого всецело обязано эволюции сознания. При этом право является не только продуктом сознательной деятельности человека и одним из ключевых средств его идентификации. В отличие от других социальных регуляторов право поставлено

на службу сознанию и его защите. Система права приспособлена к сознанию, а ее механизмы напрямую зависят от его состояний. В юриспруденции без учета состояния сознания не может быть определена судьба ни одного правонарушителя. Конкретные виды и меры правового воздействия непосредственно связаны с сознанием в конкретный момент времени. За счет достижения человечеством возможности оценивать сознательные процессы правоприменение научилось обеспечивать конкретизацию содержания, персонификацию ответственности и индивидуализацию наказания.

Основной постулат права и его ключевое требование происходят из необходимости уважения друг друга, а не из потребности управления друг другом. Иным словами, право задает прямо противоположный естественно-научному взгляду принцип восприятия человека. Предлагает посмотреть на него и взаимодействовать с ним не через парадигму «субъект – объект», а через призму «субъект – субъект».

В этом смысле идея права онтологически и исторически противопоставила себя взгляду на человека как на объект чьего-либо интереса или предмет чьих-либо манипуляций. Развивая и уточняя от эпохи к эпохе требования права и обосновывая их справедливость, юридическая мысль никогда не оставляла человека и, если можно так выразиться, всегда «вырывала» его из сферы субъектно-объектных отношений, возводя человечность в высшую цель должностования и антропологический принцип всего мироустройства.

Современное международное и национальное законодательство служит подтверждением заявленному статусу человека в мире права. Например, и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, и Конституция РФ гарантируют право каждого на свободу и личную неприкосновенность, уважение его личной и семейной жизни. При этом Конвенция вообще не упоминает категорию управления в каком-либо контексте, а Основной закон предусматривает возможность граждан России участвовать в управлении делами государства. Во многом аналогичным образом статус ключевых субъектов права воспроизводится в основных отраслях права.

Если говорить в целом, то независимость как явный антипод управления в его естественно-научном понимании возведена в праве в статус онтологически необходимой человеку ценности и неотъемлемого усло-

вия жизнедеятельности общества. При этом подобное значение независимость имеет не только для человека, но и для государства. С целью надлежащего исполнения государством возложенных на него обществом функций в XVIII в. была разработана и с тех пор широко внедрена в практику большинства цивилизованных стран мира теория разделения властей.

Ошибка правоведения связана с тем, что при имплементации знаний об управлении акцент в юриспруденции был смещен в сторону государства. Если говорить точнее, то упор сделан на государственный аппарат, его административно-организационную составляющую. Без предваряющего объяснения причин своего выбора специалисты стали вести речь о государственном или муниципальном управлении. При этом о праве громогласно заявлено, что в составе государственного управления оно является основным нормативным регулятором. Многие другие нормы, как убеждают юристы, в конечном итоге восходят к праву и утверждаются им. Даже нормы морали или обычаев с течением времени становятся правовыми. Управляющая сила права в их понимании обеспечивается за счет того, что оно, с одной стороны, выражает общие интересы всего политического сообщества, а с другой – реализуется государственным принуждением. Утверждается, что государство выражает в праве государственную волю и с его помощью воздействует на своих субъектов. При этом право влияет не только на граждан и общество. Оно имеет ориентирующее значение для самого государственного управления.

Причины смещения акцента на государство понятны. Одна из них имеет рациональное происхождение, а другая – иррациональное. Последнее обусловлено тем, что концепт государственного управления прост для восприятия, обоснования и оперирования в теоретико-прикладных решениях. В самом словосочетании дан ответ на вопрос о том, кто управляет – государство, и не менее очевиден ответ на вопрос о том, чем оно управляет – обществом. В свою очередь, первая детерминанта связана с тем, что управление в естественно-научном понимании происходит из теории систем и на практике реализуется преимущественно в системных средах. Государство в этом плане более чем другие правовые явления отвечает признакам системной организованности.

Подобный упрощенный взгляд на право и государство, как известно, соответствует

легистской концепции, в которой под правом имеется в виду продукт государства (его власти, воли, усмотрения, произвола).

Иными словами, построение теории государственного управления на представлениях о праве как о топоре или динамите, которыми можно и исполнить полезную работу, и убить человека, с чем его сравнивал Г.Ф. Шершеневич [8. С. 48], ошибочно, поскольку они, без сомнения, не отвечают его природе. Более того, из философских и исторических источников известно, что право возникло раньше государства и может существовать помимо него, а само государство является лишь определенным правовым образованием (правовым институтом). При добровольном осуществлении правовых норм, которое является наиболее распространенным и нормальным типом поведения его субъектов, значение государства в большинстве случаев минимизируется или вовсе обнуляется. Иными словами, как отмечают специалисты, осуществление норм права не есть прямое следствие регулирующей и надзирающей деятельности государственной власти.

То же самое касается процесса правотворчества. Он совершается, несмотря на громадный рост и широкое распространение законодательной деятельности в современных государствах, не в законодательных учреждениях. В них право лишь формулируется, а рождается и созревает оно в недрах общества. Самим обществом при этом охраняются отношения между людьми. В итоге, «право, – как писал Б.А. Кистяковский, – не может быть отнесено только к одной стороне культурной жизни человека, т.е. или к государственной организации, или к общественным отношениям, или к душевным переживаниям, так как оно одинаково связано со всеми ими» [3. С. 367].

Результаты исследования

Проведенный анализ философских, исторических и теоретических источников позволяет считать обоснованными только те определения, в которых под государственным управлением понимается прежде всего и не более чем управление государственным аппаратом, его административно-организационными элементами и процессами. То есть те дефиниции, в которых государство не абсолютизируется, а признается, что государственное управление имеет второплановое и опосредованное, а в функциональном плане – «родовспомогательное отношение»

к управлению правовыми процессами. Последними управляет не только и не столько государство. Большая часть управляющего воздействия в социуме генерируется силами и субъектами самого общества.

Бессмысленно игнорировать и не замечать, что в повседневной практике существует общественное и индивидуальное управление. Они наиболее концентрированы и выразительно реализуются, к примеру, в рамках избирательного процесса, когда и отдельный индивид и общество в целом делают активный или пассивный выбор в пользу одной либо другой политической силы.

Еще один пример проявления персональной воли и силы индивидуального воздействия в демократическом обществе демонстрирует конституционное судопроизводство. Оно предусматривает прямой доступ каждого к Основному закону страны и порядок принуждения самого государства к его соблюдению. По обоснованной инициативе одного гражданина отменяются и пересматриваются не только конкретные процессуальные решения, но и целая практика их принятия либо исполнения институтами правоприменения. Иными словами, оспаривается и дезавуируется управляющая и повелевающая воля государства. Предписанный ею порядок поведения участников общественных отношений утрачивает силу.

Таким образом, с помощью и по правилам конституционного судопроизводства реализуется управляющее противодействие индивида государственному управлению. Законодатель обязывается отменить или изменить прежнее нормативно-управленческое решение, трансформировать свое отношение к цели либо вовсе отказаться от нее.

Также нельзя не принимать во внимание, что цели «государственного управления» и «управления правовыми процессами» имеют не только сходства, но и отличия. Если первое направлено на поддержание такого правопорядка в обществе, который обеспечивает самосохранение государства и прежде всего возглавляющих его элит, то второе, какого бы уровня взаимоотношений оно не касалось, конечным результатом имеет достижение справедливости как своей генеральной цели и онтологической ценности, без которой и вне которой права как такового не существует. При этом речь идет о справедливости не только в межличностных конфликтах, но и в межсубъектных отношениях, т.е. в формате «личность – общество – государство». Государство в этом деле по тем

или иным корпоративным соображениям может отказывать, усложнять или упрощать достижение справедливости во взаимоотношениях участников социальных процессов.

Следует признать, что естественно-научная концепция управления применима в правоведении с большим числом оговорок и только к тем узким областям правовой системы, которые отличаются относительной замкнутостью и строгой детерминацией во внутренних процессах и связях, к примеру, к государственному аппарату. Уже к системе судопроизводства естественно-научные представления об управлении неприменимы. Судья как главный арбитр любого дела не управляет процессом и участвующими в нем сторонами. Если бы он взялся за управление и приступил к воздействию на субъектов правоотношения с целью изменения их цели, мотива и воли, то его объективность и непредвзятость с ходу были бы поставлены сторонами под сомнение и включились бы механизмы по отводу судьи.

Все это, правда, не говорит о том, что управленческая функция в социально-правовых системах и процессах не присутствует и не реализуется, как будто они по своей природе спонтанны и произвольны, а их детерминанты в своем большинстве не определены и иррациональны. Как будто, выражаясь словами знатоков синергетики, не субъект дает рецепты и управляет нелинейной ситуацией, а сама нелинейная ситуация как-то разрешается, в том числе строит и самого субъекта. Напротив, процессы правоприменения весьма рационализированы, а само право имеет своей высшей целью наведение порядка. Отсутствие в процессуальном законодательстве упоминания об управлении служит лишь косвенным, но верным признаком того, что управление в юриспруденции не существует в том виде, в каком оно представлено в естественных науках.

Заключение

Суммируя вышесказанное, можно заключить, что управление в праве проявляется и исполняется своеобразным способом. Оно реализуется в правовых процессах на децентрализованных принципах, т.е. самими участниками на паритетных и консенсуальных основаниях. Роль направляющих играют символические средства – принципы права и охраняемые им ценности. Роль исполняющих выполняют инструментальные средства – органы и учреждения правоохрани-

менения. Роль организаторов осуществляют субъекты права (личность, общество и государство), а функцию потребителей реализуют субъекты конкретных правоотношений.

Исследование проведено при поддерж-

ке гранта Российского фонда фундаментальных исследований: 18-29-16151 мк «Разработка методов управления процессами трансформации права в условиях цифровой технологии».

Литература:

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Пер. с древнегреч. / Общ. ред. А.И. Доватура. М., 1983.
2. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М., 1957.
3. Кистяковский Б.А. Избранное: в 2 ч. / Сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский. М., 2010. Ч. 1.
4. Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке // Вопросы философии. 2004. № 3.
5. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Пер. с англ. и лат.; ред. и сост. А.Л. Субботин. М., 1988.
6. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2013.
7. Чиркин В.Е. Система государственного и муниципального управления: учебник. М., 2005.
8. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Казань, 1901.
9. Brownsword R. Technological management and the rule of law // Law, Innovation and Technology. 2016. 8(1). p. 100-140.
10. Finck M., Moscon V. Copyright Law on Blockchains: Between New Forms of Rights Administration and Digital Rights Management 2.0 // IIC International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2019. 50(1). P. 77-108.
11. Plotnikova L.I., Romanenko M.V. Creative methods of innovation process management as the law of competitiveness // Management Science Letters. 2019. 9(5). P. 737-748.
12. Dronyuk I., Moysyenko I., Kuck J. Information technologies for providing project-process management in law enforcement structures // 2018 IEEE 13th International Scientific and Technical Conference on Computer Sciences and Information Technologies. CSIT 2018. Proceedings, 1. Статья № 8526763. 2018.
13. Oostinga M.S.D., Giebels E., Taylor P.J. Communication error management in law enforcement interactions: a receiver's perspective // Psychology, Crime and Law. 2018. 24(2). P. 134-155.
14. Weitz L.A., Swieringay K.A. Comparing interval management control laws for steady-state errors and string stability // AIAA Guidance, Navigation, and Control Conference. 2018. (210039).

MANAGEMENT OF LEGAL PROCESSES: STATEMENT OF THE PROBLEM

Introduction. *The article considers the category of management from the standpoint of history, theory and philosophy. The law and the processes of its implementation in practice have been chosen as the social context within which the importance and potential of management has been studied.*

Materials and methods. *The article actively uses both contributions of natural science and papers written for the purpose of understanding the humanitarian knowledge. The methodological basis of the article includes the universal method of cognizability of the world, such logical methods as induction and deduction, the achievements of comparative jurisprudence, the method of text interpretation (mainly judicial decisions and regulations).*

The results of the study. *The paper tries to answer the questions what management is in principle, what are the possible and acceptable forms*

of its manifestation in jurisprudence. The meanings in which management is used in the natural and human sciences are compared. A distinction is made between the concepts of "management of legal processes" and "public administration".

Law enforcement processes are much rationalized, and law has maintenance of order as its highest goal. The absence of reference to management in the procedural legislation serves as an indirect but sure sign that governance in law does not exist in the form in which it is represented in the natural sciences.

Discussions and conclusions. *Subject to the above it was concluded that management in law is manifested and realized in a peculiar way. It is implemented in legal processes through decentralized principles, i.e. by the participants themselves on a parity and consensual basis. The role*

of guides is played by symbolic means - the principles of law and the values protected by it. The role of doers is played by instrumental means - law enforcement agencies and institutions. The role of organizes is exercised by the subjects of law (individual, society and the state), and the function of consumers is realized by the subjects of specific legal relations.

Vladimir L. Schulz,

Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

Sergei A. Bochkarev,
PhD in Law, Head of the Laboratory of Political and Legal Research of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

Ключевые слова:

право, управление, управление правовыми процессами, государственное управление, муниципальное управление

Keywords:

law, management, management of legal processes, public administration, municipal management

References:

1. Aristotel', 1983. Sochinenija: v 4 t. [Collected works in 4 vol.] / Per. s drevnegrech. Ed. by. Dovatur, A.I. Moscow.
2. Spinoza B., 1957. Izbrannye proizvedenija: v 2 t. [Collected works in 2 vol.]. Moscow.
3. Kistjakovskij B.A., 2010. Izbrannoe: v 2 ch. [Collected works in 2 parts]. Avtor vstup. st. i komment. Medushevskij, A.N. Moscow, Part 1.
4. Lektorskij V.A., 2004. Vozmozhna li integracija estestvennyh nauk i nauk o cheloveke [Is the integration of human sciences possible]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. No. 3.
5. Lokk Dzh., 1988. Sochinenija: v 3 t. [Collected works in 3 vol.]. Per. s angl. i lat.; red. i sost., avt. primech. Subbotin, A.L. Moscow.
6. Mal'cev G.V., 2013. Social'nye osnovanija prava [Social bases of law]. Moscow.
7. Chirkin V.E., 2005. Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravljenija [The system of state and municipal government]. Moscow.
8. SHershenevich G.F., 1901. Kurs grazhdanskogo prava [Civil Law Course]. Kazan.
9. Brownsword, R., 2016. Technological management and the rule of law. *Law, Innovation and Technology*. 8(1). P. 100-140.
10. Finck, M., Moscon, V., 2019. Copyright Law on Blockchains: Between New Forms of Rights Administration and Digital Rights Management 2.0. *IIC International Review of Intellectual Property and Competition Law*. 50(1). P. 77-108.
11. Plotnikova, L.I., Romanenko, M.V., 2019. Creative methods of innovation process management as the law of competitiveness. *Management Science Letters*. 9(5). P. 737-748.
12. Dronyuk, I., Moyseyenko, I., Kuck, J., 2018. Information technologies for providing project-process management in law enforcement structures. *2018 IEEE 13th International Scientific and Technical Conference on Computer Sciences and Information Technologies. CSIT 2018. Proceedings*, 1. Article № 8526763. P. 76-79.
13. Oostinga, M.S.D., Giebels, E., Taylor, P.J., 2018. Communication error management in law enforcement interactions: a receiver's perspective. *Psychology, Crime and Law*. 24(2). P. 134-155.
14. Weitz, L.A., Swieringay, K.A., 2018. Comparing interval management control laws for steady-state errors and string stability. *AIAA Guidance, Navigation, and Control Conference*. 2018. (210039).